

портрет Фриды

Столичные галереи возвращают имена незаслуженно забытых художников

Лев Зевин. Портрет жены. 1928

Вслед за выставкой Давида Якерсона в Музее личных коллекций и Бориса Анисфельда в Московском центре искусств Центр графических искусств представил экспозицию «Художник Лев Зевин. 1903 – 1942».

У мальчика из семьи нищего витебского ремесленника были учителя с мировыми именами. Первый – Юрий Пэн, чью школу прошли Марк Шагал, Осип Цадкин и Лазарь Лисицкий. Вторым оказался сам Шагал, обративший внимание на акварели Зевина. После отъезда Шагала юного художника взял под свое покровительство Казимир Малевич. Однако главным учителем в жизни (она оборвалась в 1942 году: доброволец Зевин погиб под Вязьмой) художник называл Роберта Фалька, в 1921 году преподававшего в Витебске. Перед возвращением в Москву Фальк пригласил Зевина в свою мастерскую во ВХУТЕМАСЕ.

Живой, обаятельный, пылкий (друзья считали, что он похож на Пушкина) Зевин запомнился всем своим наставникам. Его имя сорок лет спустя назвал Шагал в ответ на вопрос биографа об учениках в России. Малевич намеревался посвятить живописи Зевина эссе, а Фальк написал его портрет и считал самым талантливым своим учеником. Биография Зевина не богата

выдающимися событиями. Работал ассистентом у Фалька, ездил в командировки в Биробиджан, херсонские колхозы, оформил театральные спектакли, рисовал иллюстрации к книгам, участвовал в выставках двух художественных объединений. По мнению тогдашней критики, он «слишком тих для наших дней и склонен к меланхолии, что сближает его со старыми русскими художниками и отрывает от действительности».

У Зевина был свой мир, который он не уставал рисовать, – жена Фрида, маленький сын, друзья, скромные предметы быта в восьмиметровой комнате в огромной коммуналке, крошечная дачка в Подмоскovie... Его работы камерны, сдержанны, полны скрытого драматизма. В свое время картины Зевина приобрели несколько провинциальных музеев, есть они и в Третьяковке, и в Русском музее. Но всегда в запасниках. Раньше они не отвечали принципам «соцреализма», сегодня музейщикам мешает «заурядность» его биографии. Однако все становится на свои места. В готовящейся к печати книге о живописцах 20 – 30-х годов, оказавшихся на обочине официального художественного процесса, есть глава и о Льве Зевине.

Татьяна АНДРИАСОВА